

ЗАМРИ

Нина Ланур



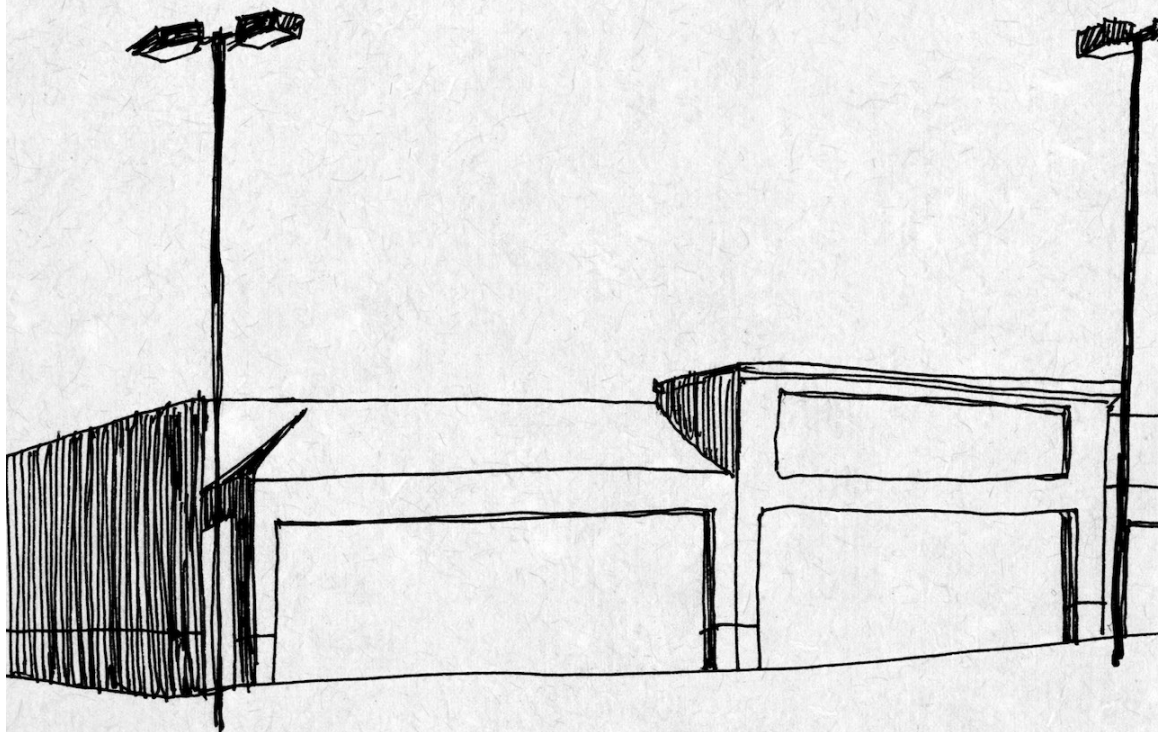
От автора бестселлера
«Мы в порядке»

18+



HOLD STILL

Nina LaCour

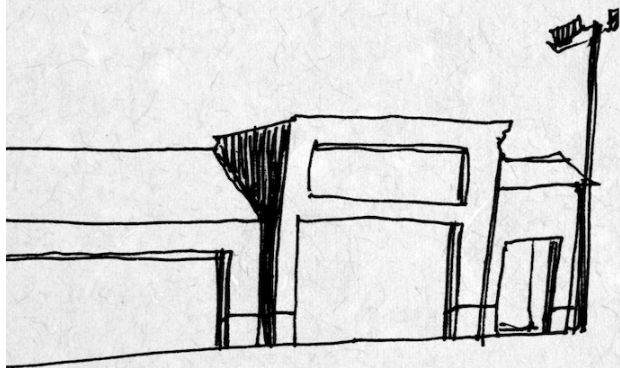


ЗАМРИ

Нина Лакер



*Иллюстрации Мии Нолтинг
Перевела с английского Марина Давыдова*



POPCORN BOOKS

Москва

Оглавление

ЛЕТО

ОСЕНЬ

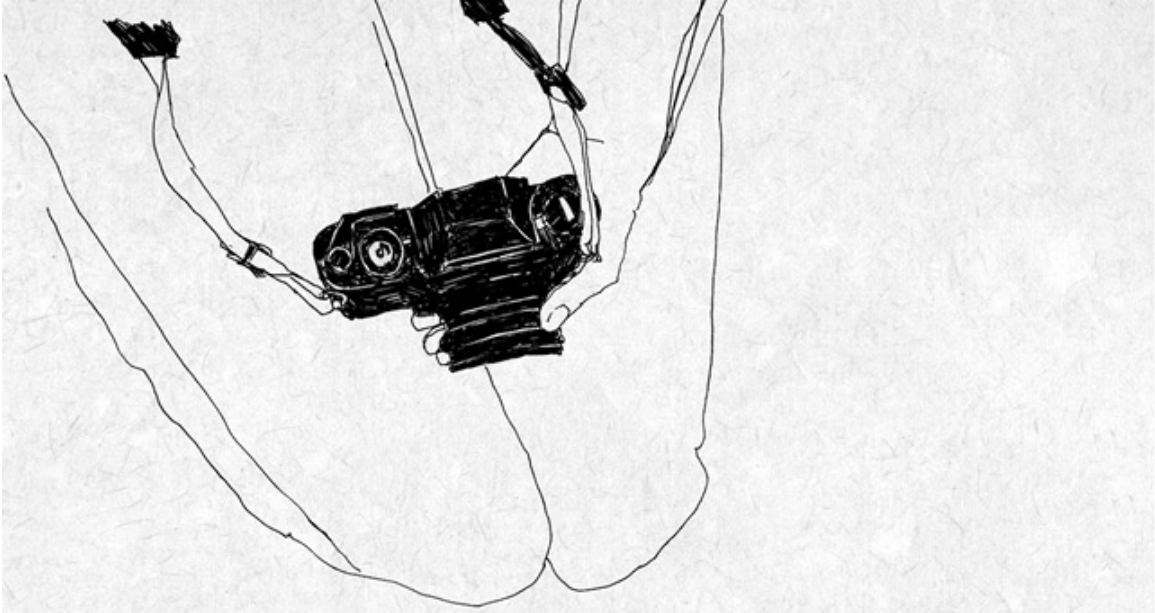
ЗИМА

ВЕСНА

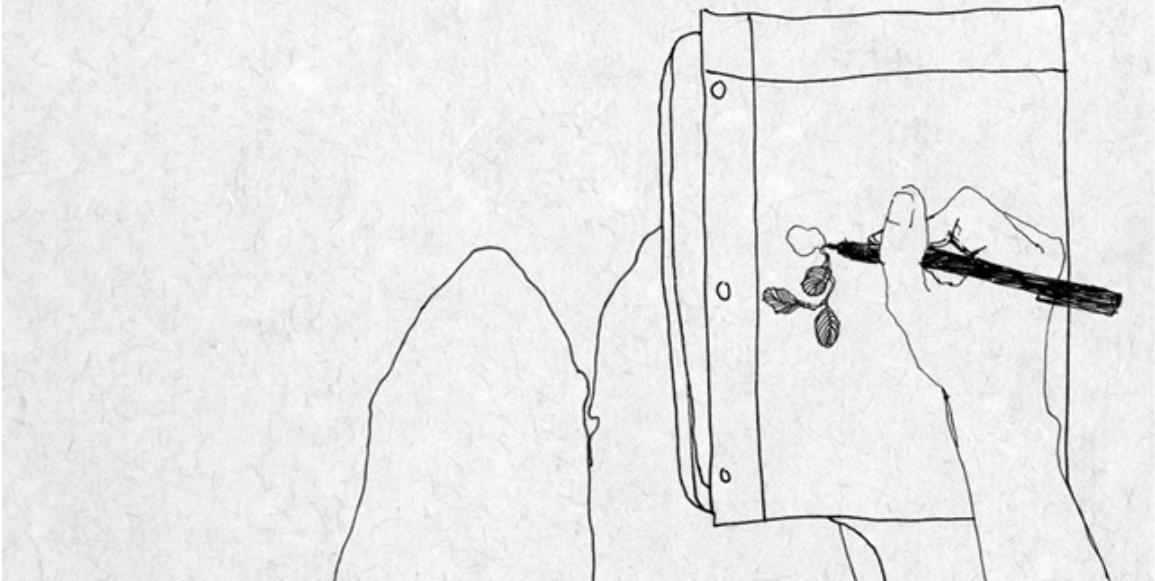
И СНОВА ЛЕТО

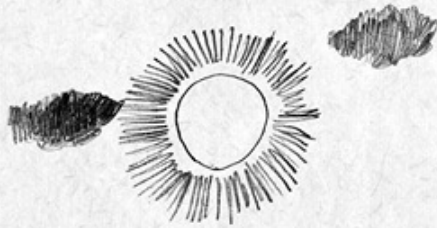
Благодарности

От автора



Посвящается моей семье и Кристин





ЛЕТО

1

С моих волос капает вода. Она стекает по полотенцу и собирается в лужицу на диване. В ушах я слышу стук собственного сердца.

— Послушай, милая...

Мама произносит имя Ингрид, и я начинаю мычать без слов. Не какую-нибудь мелодию, а просто мычать на одной ноте. И пусть я выгляжу сумасшедшей; пусть это ничего не изменит, но лучше уж так, чем рыдать, лучше так, чем заходиться криком, лучше так, чем слушать то, что мне говорят.

Что-то колотится у меня в груди — тяжелое, как чугунный якорь. Еще немного, и оно пробьет во мне дыру. На нетвердых ногах я поднимаюсь в свою комнату, натягиваю вчерашние джинсы и футболку. Выхожу из дома, иду по улице, сворачиваю к остановке. Папа окликает меня, но я не отзываюсь. В последний момент я запрыгиваю в отходящий автобус. Я сажусь в конец салона, проезжаю через весь Лос-Серрос, потом через соседний городок и выхожу на незнакомой улице. Я сажусь на скамейку на остановке, стараясь дышать ровнее. Светофор здесь не зеленый, как у нас, а слегка голубоватый. Мимо проходит женщина, толкая перед

собой коляску. Она улыбается. Надо мной колыхается ветка дерева. Я стараюсь быть легкой, как воздух.

Но мои руки не знают покоя. Чтобы занять себя, я начинаю ковырять скамейку там, где дерево расщепилось. Короткий ноготь на правой руке обламывается еще сильнее, но мне удастся оторвать маленькую щепку. Я прячу ее в левую ладонь и принимаюсь за следующую щепку.

Всю ночь я слушала на повторе запись своего голоса, перечисляющего биологические факты. Сейчас он снова звучит у меня в голове музыкой катастрофы, заглушающей окружающий мир. *Если у кареглазого мужчины и кареглазой женщины родится ребенок, у этого ребенка, скорее всего, будут карие глаза. Но если у отца и матери есть ген, отвечающий за голубые глаза, у ребенка могут быть голубые глаза.*

Рядом со мной садится старичок в вязаном кардигане со снежинками. У меня в руке уже целая горсть щепок. Я чувствую, что он смотрит на меня, но не могу оставить скамейку в покое. Меня так и подмывает огрызнуться: «Чего уставился? Июнь, жара на улице, а на тебе новогодний свитер».

— Тебе нужна помощь, дочка? — спрашивает старичок. У него тонкие седые усы.

Я мотаю головой, не поднимая глаз от скамейки. *Нет.* Он вынимает из кармана телефон.

— Может, тебе нужно позвонить?

Мое сердце пропускает удар, и я закашливаюсь.

— Давай я позвоню твоей маме?

Ингрид блондинка. У нее голубые глаза, а отец брюнет, значит, у него должен быть рецессивный ген, отвечающий за голубые глаза.

К остановке подъезжает автобус. Старичок встает, побряхтывая.

— Дочка...

Он поднимает руку, словно собирается похлопать меня по плечу, но передумывает.

В ладонь уже ничего не помещается, и щепки начинают сыпаться на землю. Какая я ему дочка? Еще немного, и я взорвусь, рассыплюсь на атомы.

Старичок отходит, садится в автобус и уезжает.

Мимо проезжают машины. Размытые разноцветные пятна мелькают одно за другим. Иногда они останавливаются на светофоре или для того, чтобы пропустить пешехода, но потом все равно уезжают. Пожалуй, я останусь здесь жить. Буду ковырять скамейку, пока на тротуаре не образуется целая куча щепок. Забуду, каково это — думать о другом человеке.

У остановки притормаживает автобус, но я отмахиваюсь. Несколько минут спустя две девчушки выглядывают на меня с пассажирского сиденья синей машины: одна — светлокожая блондинка, вторая — брюнетка, посмуглее. Их волосы украшают цветные заколки. Конечно, не исключено, что они сестры, но вероятность этого невелика. Они вытягивают шеи, чтобы лучше меня разглядеть, и смотрят во все глаза. Когда загорается зеленый, они высовывают руки из открытого окна и машут мне так энергично, что их ладошки сливаются в порхающих птичек.

Через какое-то время подъезжает папа. Тянется к ручке, открывает дверь с моей стороны. Меня обдает запах кожи. Разреженный холодный воздух из кондиционера. Я сажусь в машину и позволяю отвезти меня домой.

2

Весь следующий день я провожу в постели. Когда я иду в туалет, то стараюсь не смотреть в зеркало. Один раз я поймала свое отражение: мне как будто поставили два фонаря под глазами.

3

Про следующий день я говорить не могу.

4

Мы ползем по серпантину с черепашьей скоростью, потому что папа водит аккуратно и до смерти боится высоты. С одной стороны от дороги — скалистый обрыв и океан, с другой — густые заросли и дорожные знаки с названиями городов с населением восемьдесят четыре человека. Мама взяла с собой всю свою коллекцию классики, и сейчас мы слушаем Бетховена. Если точнее,

«К Элизе», которую она часто играет на фортепиано. Она рассеянно постукивает пальцами по коленям.

На окраине небольшого городка мы сворачиваем на обочину, чтобы перекусить. Мы сидим на старом стеганом покрывале. Родители смотрят на меня, а я — на выцветшую ткань и вышитые вручную стежки.

— Тебе следует кое-что знать, — говорит мама.

Я вслушиваюсь в шум проезжающих мимо машин, рокот волн, шорох бумаги, в которую завернуты сэндвичи. Но отдельные слова все равно пробиваются: *клиническая депрессия, лечение, с девяти лет*. Океан далеко внизу, но волны бьются о берег так громко, что кажется, будто они совсем близко и вот-вот захлестнут нас.

— Кейтлин, — зовет папа.

Мама касается моего колена.

— Милая? — говорит она. — Ты меня слышишь?

На ночь мы останавливаемся в срубовом доме с двухъярусными кроватями. Я чищу зубы спиной к зеркалу, забираюсь на верхнюю койку и притворяюсь спящей. Родители на цыпочках ходят по скрипучим половицам, включают и выключают воду, жмут на кнопку смыва, распаковывают дорожные сумки. Я подтягиваю ноги к груди, чтобы занимать как можно меньше места.

Гаснет свет.

Я открываю глаза и смотрю в деревянную стену. Когда-то я узнала, что деревья растут изнутри наружу.

С каждым годом они наращивают новое кольцо. Я на ощупь пересчитываю кольца.

— Это пойдет ей на пользу, — негромко говорит папа.

— Надеюсь.

— Хотя бы увезли ее подальше от дома. Тут тихо, спокойно.

— Она почти все время молчит, — шепчет мама.

Я замираю и перестаю считать. Я жду продолжения разговора, но спустя несколько минут слышу папин присвистывающий храп и ровное дыхание мамы.

Мои пальцы сбились со счета. Слишком темно, чтобы начинать заново.

В три или четыре утра я резко просыпаюсь.

Я всматриваюсь в созвездия, нарисованные на потолке. Я стараюсь поменьше моргать, потому что когда я моргаю, то вижу лицо Ингрид с закрытыми глазами и неподвижными губами. Я беззвучно проговариваю биологические факты, чтобы отогнать ненужные мысли. «Мейоз проходит в два этапа, в результате которых образуются четыре клетки, — шепчу я едва слышно, чтобы не разбудить родителей. — Каждая из клеток получает половину хромосом материнской клетки». Снаружи проезжает машина. По потолку, прямо по звездам, пробегает полоса света. Я повторяю факты, пока они не сливаются в нечленораздельный поток.

Мейоз проходит в два этапа в результате которых образуются четыре клетки каждая из клеток получает половину хромосом материнской клетки мейоз проходит в два...

Я начинаю улыбаться. С каждым разом фраза звучит все забавнее, и вскоре мне приходится накрыть лицо

подушкой, чтобы не разбудить родителей смехом, которым я пытаюсь себя усыпить.

5

Жарким июльским утром папа берет в аренду машину, потому что ему пора возвращаться к работе. Но мы с мамой остаемся в Северной Калифорнии, словно больше в мире ничего нет. Я езжу на переднем сиденье и слежу, чтобы мы не покидали невидимых границ на карте — не дальше нескольких миль от границы с Орегоном на севере, не дальше Чико на юге. Мы гуляем по пещерам и лесам, катаемся по разбитым дорогам и едим сэндвичи с плавленым сыром в придорожных кафе. Мы обсуждаем только то, что видим: сосны, официанток, количество льда в холодном чае. Как-то вечером в совершенном захолустье мы натываемся на крошечный старый кинотеатр. Мы смотрим детский фильм, потому что больше в нем ничего не показывают, и чаще обсуждаем детские визги и смех, чем происходящее на экране. Дважды мы, надев на лоб фонарики, спускаемся в лавовые пещеры Лассенского национального парка. Мама спотыкается и взвизгивает. Ее голос подхватывает эхо. Мне начинает сниться старик с остановки. Он подплывает ко мне посреди леса, на нем смокинг с красным галстуком-бабочкой. «Дочка», — произносит он и протягивает свой мобильный. Я знаю, что это звонит Ингрид, что она хочет со мной поговорить. Я тянусь к телефону и вдруг

замечаю, что, хотя меня окружают зеленые деревья и бурая земля, сама я черно-белая.

По утрам мама разрешает мне выпить кофе. «Милая, ты такая бледная», — говорит она.

6

А потом вдруг наступает сентябрь.

И нам приходится вернуться.



ОСЕНЬ

1

Три часа утра. Не лучшее время, чтобы фотографировать без источников света, вспышки или высокочувствительной пленки, и все же я, распластавшись по капоту угловатого серого автомобиля, который уже должна бы водить, направляю объектив фотоаппарата в небо в надежде запечатлеть луну, прежде чем на нее наползет облако. Я щелкаю кадр за кадром на длинной выдержке, пока луна не скрывается, а небо не чернеет.

Машина поскрипывает, когда я сползаю на землю, и стонет, когда я открываю дверь и забираюсь внутрь. Я блокирую двери и сворачиваюсь на обитом тканью заднем сиденье.

У меня есть пять часов, чтобы привести себя в порядок.

Проходит пятнадцать минут. Я общипываю искусственный мех с чехлов на передних креслах, хоть они мне и нравятся. Я не могу остановиться — белый ворс летит во все стороны.

К половине пятого я успела несколько раз впасть в истерику, заработала головную боль, засунула кулак в рот и кричала. Мне нужно как-то сбросить напряжение и хоть немного поспать.

В окне моей комнаты загорается свет. Потом свет загорается в кухне. Дверь открывается, и мама, потуже запахнув халат, выходит на порог. Я тянусь к аварийке, нажимаю пару раз и смотрю, как она возвращается в дом. На пленке остался один кадр, и я через лобовое стекло фотографирую наш темный дом с двумя освещенными окнами. Я назову этот снимок «Мой дом в 5:23». Может, когда-нибудь, когда у меня не будет раскалываться голова, я взгляну на него и попытаюсь понять, почему я, вернувшись домой, каждую ночь проводила в холодной машине в паре шагов от теплого дома, где родители лежали без сна, сходя с ума от тревоги.

Около шести я наконец засыпаю.

Папа стучит в окно, чтобы меня разбудить.

Я открываю глаза — уже светло. Папа стоит в костюме.
— Вот это у тебя намело, — говорит он.

Задняя сторона кресел полностью облысела. У меня болит рука.

2

Я иду к школе длинной дорогой; листок со свежим расписанием сложен в крошечный квадратик и спрятан глубоко в кармане. Я прохожу мимо торгового центра; «Сэйфвея»* с его огромной парковкой; выставленного на продажу участка, где раньше был боулинг, пока администрация не решила, что боулинг в пригороде не нужен, и не снесла здание. Два года назад, пятничным

вечером, я выскочила на одну из дорожек и сфотографировала, как Ингрид запускает в меня тяжелый красный шар. Я расставила ноги, и шар прошел между ними. Администратор наорал на нас и выставил за дверь, но позже простил. Эта фотография висит у меня на двери гардеробной: смазанное красное пятно, сосредоточенный горящий взгляд Ингрид. А за ней — огни, незнакомцы и ряды туфель для боулинга.

Я останавливаюсь на углу, чтобы почитать заголовки на витрине газетного ларька. В мире наверняка что-нибудь да происходит: наводнения, научные прорывы, войны. Но этим утром, как чаще всего и бывает, «Лос-Серрос Трибьюн» предлагает мне только местные новости и прогноз погоды.

При первой возможности я сворачиваю в переулок: не хочу, чтобы знакомые останавливались и предлагали подвезти. Скорее всего, они захотят поговорить об Ингрид, и я буду тупо пялиться на свои руки. А может, они не захотят говорить об Ингрид, и мы всю дорогу будем ехать в долгом тяжелом молчании.

В переулке между многоэтажками шуршат по гравию колеса, и рядом со мной возникает Тейлор Райли на скейтборде, заметно вытянувшийся за лето. Он ничего мне не говорит. Я смотрю, как мои кроссовки поднимают пыль. Он проезжает мимо и останавливается, дожидаясь меня. Он делает это снова и снова, не говоря ни слова, даже не глядя в мою сторону.

Его волосы выгорели на солнце, а кожа потемнела и покрылась веснушками. Он мог бы играть в каком-

нибудь ситкоме себя — самого популярного парня в школе, который не подозревает о своей популярности. Неизменным атрибутом телеверсии Тейлора был бы не скейтборд, а бомбер, а вместо того чтобы сидеть на уроках со скучающим видом, он бы отстаивал честь школы на соревнованиях. Он бы ездил в школу на дорогой тачке в компании какой-нибудь красотки-выпускницы, а не тащился бы по узкой грунтовой дорожке рядом с мрачной молчаливой девчонкой.

Дорожка заканчивается, и мы оказываемся на тротуаре. В нескольких домах от нас скопилась пробка из машин, поворачивающих на школьную парковку. Мне хочется развернуться и убежать домой.

— Соболезную насчет Ингрид, — говорит Тейлор.

— Спасибо, — отвечаю я машинально.

Машины одна за другой проезжают мимо и сворачивают на парковку. Девчонки визжат и обнимаются, как будто не виделись много лет. Парни лупят друг друга по спинам — должно быть, это считается дружеским жестом. Я стараюсь на них не смотреть. Мы с Тейлором поворачиваемся друг к другу и изучаем его скейтборд, неподвижно стоящий на земле. Хлопает дверь машины. Раздаются шаги. Алисия Макинтош влетает в меня и заключает в объятия.

— Кейтлин, — выдыхает она.

Меня обдаёт приторным цветочным ароматом. Я стараюсь сдержать кашель.

Она отступает на шаг, придерживая меня за локти. На ней узкие джинсы и желтый топ, на котором

голубыми блестками выложено: «КОРОЛЕВА». Рыжие волосы рассыпались по плечам.

— Ты такая сильная, — говорит она. — Ты молодец, что вернулась в школу. Я бы на твоём месте... даже не знаю. Лежала бы пластом, наверное, натянув одеяло на голову.

Она смотрит на меня взглядом, который, видимо, считает понимающим. Её большие зелёные глаза распахиваются ещё больше. В тот единственный семестр, когда я ходила в драматический кружок, нас учили, что для того, чтобы заплакать, нужно долго не моргать. Может, она забыла, что мы с ней вместе ходили на эти занятия? Она продолжает сжимать мне локти, и вот наконец по её веснушчатой щеке сбегает слезинка.

«Алисия, — хочется сказать мне, — когда-нибудь ты получишь “Оскара”».

Но вместо этого я говорю:

— Спасибо.

Она кивает, сдвигает брови и выжимает из себя ещё одну слезу.

Её внимание переключается на что-то другое. К нам идут её подруги. На них разные версии одного и того же топа: «ПРИНЦЕССА», «АНГЕЛ», «ИСПОРЧЕННАЯ ДЕВЧОНКА». Видимо, в этом году Алисия у них главная. Наверное, я должна быть польщена, что её руки сейчас пережимают мне сосуды.

— Ты, наверное, опоздаешь из-за меня. Но я хочу, чтобы ты знала: если тебе что-нибудь понадобится, я буду рядом. Я знаю, что мы с тобой давно не

общались, но ведь раньше мы так дружили. Я с тобой. Днем и ночью.

Я не могу представить, чтобы когда-нибудь дружила с Алисией. Не потому, что мы такие разные, — у меня просто не получается думать о том, что было до старших классов. До увлечения фотографией, до экзаменов, до тревог, связанных с поступлением. До Ингрид. Я помню Алисию еще совсем ребенком, когда она, уперев ладошки в бока, сообщила всей песочнице, что единорогом может быть только она. А еще я помню девочку с каштановыми волосами, заплетенными в косичку, и в пастельных бриджах, которая скачет по асфальту, играя в лошадку, и я знаю, что эта девочка — я, но воспоминания кажутся чужими.

Она стискивает мои локти в последний раз и отпускает меня.

— Тейлор, — говорит она. — Ты идешь?

— Да, сейчас.

— Мы опоздаем.

— Я вас догоню.

Она закатывает глаза. Ее подруги подходят к нам, и она ведет их к корпусу английского.

Тейлор откашливается. Поглядывает то на меня, то на свой скейт.

— Надеюсь, это не прозвучит бестактно, но... как она это сделала?

У меня подкашиваются колени. «Если у кареглазого мужчины и кареглазой женщины родится ребенок, у этого ребенка, скорее всего, будут карие глаза», — думаю я. Главный вход прямо перед нами, футбольное

поле — слева. Я засовываю руку в карман и нащупываю расписание. Как и в последние два года, первым уроком у меня фотография. Усилим воли я заставляю себя пошевелиться. Я отступаю на траву, прочь от Тейлора, и бормочу: «Мне надо идти». Я представляю, как мисс Дилейни ждет меня, как она поднимается с места, когда я вхожу в кабинет, и, не замечая других учеников, подходит ко мне. Я представляю, как она касается моего плеча, и меня переполняет облегчение.

3

Я не разговаривала с мисс Дилейни с тех пор, как это произошло. Может быть, она извинится перед классом, отведет меня в подсобку кабинета, и мы сядем с ней и будем говорить о том, как несправедлива жизнь. Она не станет спрашивать, в порядке ли я, потому что для нас этот вопрос не имеет никакого смысла. Она посвятит урок лекции о том, каким печальным будет этот год. В память об Ингрид темой первого проекта станет утрата, и еще до того, как я сдам свою фотографию, все будут знать, что это самая трогательная, душераздирающая работа в классе.

В толпе одноклассников я захожу в кабинет. Там светлее и прохладнее, чем раньше. Мисс Дилейни стоит у доски — как всегда, безупречна в своих отутюженных брюках и черной водолазке без рукавов. Мы с Ингрид пытались представить ее в повседневной жизни: как она выносит мусор, бреет подмышки и так далее. Между

собой мы называли ее по имени. «Представь, — говорила Ингрид, — как Вена в трениках и растянутой футболке просыпается в час дня с похмельем».

Я пыталась представить, но ничего не получалось.

Вместо этого я видела, как она сидит в шелковой пижаме на залитой солнцем кухне и попивает эспрессо.

Несколько человек уже заняли места. Когда я вхожу, мисс Дилейни бросает взгляд на дверь и тут же отворачивается — это как яркая вспышка, которая бьет по глазам. Я жду на пороге, давая ей возможность посмотреть снова, но она не двигается с места. Может, она ждет, чтобы я подошла к ней сама? За моей спиной начинает скапливаться народ, и я делаю несколько шагов вперед и останавливаюсь у шкафа с книгами по искусству, пытаюсь сообразить, что делать.

Она не могла меня не заметить.

Одноклассники обходят меня с обеих сторон, и мисс Дилейни здоровается с каждым и улыбается, а меня, стоящую в нескольких шагах от нее, игнорирует. Я не понимаю, что происходит, но чувствую, что тону в толпе, поэтому выхожу вперед и встаю перед ней.

— Здравствуйте, — говорю я.

Ее темные глаза, скрытые за очками в красной оправе, скользят по мне.

— Добрый день.

Она произносит эти слова так равнодушно, словно едва меня знает.

На нетвердых ногах я прохожу к парте, за которой сидела в прошлом году, открываю блокнот и делаю вид, что чрезвычайно увлечена чтением. Может быть, она

ждет, пока все рассядутся и урок начнется, чтобы сказать несколько слов об Ингрид. Последние из учеников заходят в кабинет, и я притворяюсь, что не замечаю пустующего места рядом со мной — места, где раньше сидела Ингрид.

Звенит звонок.

Мисс Дилейни обводит нас взглядом. Я жду, пока она посмотрит на меня, улыбнется, кивнет, сделает *хоть что-нибудь*, но кабинет словно заканчивается справа от меня. Она улыбается всем, но я для нее не существую. Она явно не хочет меня видеть, и я не имею ни малейшего понятия, как мне поступить. Я бы собрала вещи и ушла, но мне некуда пойти. Хочется залезть под стол и спрятаться, пока все не уйдут.

На стенах кабинета вывешены наши выпускные работы с прошлого года. Ингрид единственная, у кого мисс Дилейни взяла целых три фотографии. Все они висят в ряд, по центру стены. Одна из них — это пейзаж: два каменистых склона, поросших колючим кустарником, и извилистый ручей между ними. Вторая — натюрморт с разбитой вазой. А третья — мой портрет. Освещение очень контрастное, а выражение моего лица похоже на гримасу. Я не смотрю в камеру. Когда Ингрид проявила этот снимок в лаборатории, мы с ней отступили на полшага, наблюдая за тем, как на влажной бумаге проступает мое лицо, и Ингрид сказала: «Это же ты, на сто процентов». А я ответила: «О боже, и правда», хотя с трудом себя узнала. Я смотрела, как под глазами залегают тени, а в углу рта образуется незнакомый изгиб. Это была я, но жестче,